

ЮНОШЕ, ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЕ

ПЕРВАЯ ОЧЕРЕДЬ

В апреле 1933 года в Москву на небывалую еще в стране стройку пришла первая тысяча комсомольцев, в июне — две, в сентябре — десять тысяч!

Так начиналось московское метро. Решение о его строительстве Центральный Комитет партии принял 15 июня 1931 года.

В свое время строителей берлинского метро надолго задержали водоносные грунты, в Париже работы усложняла пе-

Строительство первой очереди Московского метрополитена. 1933 год. Станция метро «Сокольники». 1973 год.

рассеченная поверхность, в Лондоне — хаос подземного хозяйства. В Москве было все: кривые улицы, паутина подземных сооружений, холмистая поверхность. Специалисты признавали строительство метро в Москве невозможным: дескать, у молодого государства нет ни средств, ни подготовленных кадров.

Продолжение на стр. 6—7

Из массы писем, полученных Валентиной Михайловной Леонтьевой, мне особенно запомнилось это: «Каждый раз сквозь передачу «От всей души» проходит война, — пишет Вика К. из Симферополя, — и каждый раз Вы, Валентина Михайловна, смягчаете людям боль, приносите радость. Вы успокаиваете их, как бы гладите по плечу. Моя бабушка говорит: «Тут поневоле заплачешь, когда она таким голосом говорит». Ваш голос — это музыка чувств. Ни одной фальшивой нотки. Закроешь глаза — и Вы тут, рядом. И говорит про Ленин рад...»

Благодарность за память о том, что дорого людям. За душевный рассказ о человеке. И все это связано воедино с образом ведущей передачу заслуженной артистки республики В. М. Леонтьевой.

Как добились актриса такой трогательной сердца искренности общения с собеседником? Может быть, дело в ее особом отношении именно к этой передаче?

Мне захотелось поговорить с Валентиной Михайловной, хотя, по правде, я нем-

Валентина Михайловна Леонтьева ведет передачу... И кому бы ни была она адресована, будь то взрослый слушатель (на фото вверху трансляция передачи «От всей души» из Нарвы) или самый маленький, Валентина Михайловна всегда увлекает либо рассказом о судьбах людей, либо сказкой...

от всей души

ного побаивалась, что Леонтьева окажется вблизи чуточку другой, не такой, к какой привыкли все мы, знакомые с ней по телеэкрану. Но этого не произошло. Просто продолжился тот диалог, который изо дня в день ведет Валентина Михайловна в каждом доме, с каждым из нас.

— Передача «От всей души» ошеломила нас потоком откликов. Нас благодарили за... слезы! За слезы радости и вошлупленной гордости. За то, что ведется рассказ об обычном человеке с удивительной, героической судьбой. За то, что люди, хорошо знакомые нам по селу, заводу, по дому, наконец, по заду, откуда ведется передача, вдруг открываются с совершенно неизвестной стороны, и мы узнаем настоящую судьбу человека, его большую жизнь. И начинаем думать — думать и о нем и о себе. И не стесняемся своих эмоций. Это относится буквально ко всем участникам очень искренней — и по форме своей и по существу — передачи. Здесь все по-настоящему. Я знакомились с героями непосредственно во время записи. И поэтому действия тех, для

Для детей
и взрослых

Фото
В. Арутюнова,
А. Левина

кого все происходящее абсолютно неожиданно, настолько откровенны, что «сыграть» это было бы невозможно. И заметить, как диктор и как человек я должна быть здесь на втором плане, — как сказали бы актеры, на вторых ролях. Главные действующие лица — те, кто сидит в зале и выходит на сцену. И я должна уметь ступать в нужный момент. И сделать это — тоже актерский термин — как можно органичнее...

— Не играть, а по сути, жить на сцене я училась в Тамбовском театре, где сыграла много ролей. Самых разных. Это было для меня ответственное время. Я поняла: зритель тонко чувствует любую фальшь, любую неправду. И вот все то, что я приобрела на сцене, я старалась перенести на экран. Перенести, не забывая, что самое, пожалуй, важное для экрана — всегда оставаться самой собой. Конечно, если у меня болит голова и плохое настроение, я не должна показывать это зрителям. Но если я расстроена чем-то и мне не «улыбается», так я и

не буду, пересиливая себя, веселиться с экрана, все равно это будет наигранно. Телезритель, я убеждена, сейчас же почувствует мою неискренность.

— Теперь о «любимых» и «нелюбимых» передачах. Нет дела, к которому можно было бы относиться несерьезно, для нас все передачи должны быть интересны. Но, конечно, есть передачи, которые для меня — просто праздник! Это передачи для малышей. Они необычайно трудны, потому что их надо делать так же серьезно, как для взрослых, только лучше...

Детское суждение — самое взыскательное. Если ребенку неинтересно, слушать он ни за что не будет, как бы вы его ни уговаривали. Я никогда не выучиваю сказку наизусть, а рассказываю, стараясь найти самый разговорный, самый сказочный, что ли, тон. Сейчас мой сын Митя подросток, и его уже не очень-то увлекают передачи для маленьких. Но несколько лет назад он вместе с остальными моими юными слушателями был самым безжалостным судьей. И как-то, бабушка рассказывала, Митя недосмотрел передачу «Спокойной ночи, малыши» и ушел из комнаты. «А мне неинтересно было», — сказал он утром, — ты все время с Ерешкой и Филькой разговаривала, а про нас совсем забыла». И какую радость мне доставило письмо родителей четырехлетней Наташи: их дочь была убеждена, что я живу в их доме, и отказывалась переезжать на новую квартиру, пока я не поеду вместе с ними...

...Мы в студии, где готовится детская передача. И, хотя камеры не включены и не прозвучал сигнал «Начали!», тетя Валя, погладив не оживших еще Тишку и Фильку, спрашивает: «Ну, что, малыши, рассказать вам новую сказку?»

Екатерина ЧАКОВСКАЯ,
специальный корреспондент «Кругозора»

На четвертой
звуковой странице
Валентина Михайловна Леонтьева
вместе с медвежонком Тишкой
и собакой Филькой
(артисты Наталья Державина
и Григорий Толчинский)
рассказывает детям
сказку из известной книги
писателя Виталия Бианки
«Синичкин календарь».

«Москва, Посольство Республики Куба. (Из Темир-Тау, Кермеровской, 20 сентября 1966 года). Дорогие товарищи имею честь предупредить вас опасности появления очень сильного урагана на Карибском море конце третьей декады сентября. Начальник гелиометеостанции Горной Шории Дьяков».

От Темир-Тау до Карибского моря не менее пятнадцати тысяч километров. Кубинским товарищам было над чем задуматься. К тому же: кто такой Дьяков? Не внесло ясности и обращения в Гидрометцентр СССР. Работники отдела долгосрочных прогнозов ответили, что станция в Горной Шории ведомственная, обслуживает Кузнецкий комбинат в микрорайоне его рудничной базы. Что касается увлечения Дьякова долгосрочными прогнозами, да еще за пределами страны, то составляет он их на основе какого-то своего метода, об эффективности коего работники Гидрометцентра судить не берутся.

«Внезапно обрушившийся на Гваделупу, Санто-Доминго и Гаити ураган «Инес» оставил после себя более тысячи убитых и материальный ущерб на сотни миллионов долларов. В то же время в результате своевременного оповещения кубинской метеослужбы и мер по борьбе с циклоном, предпринятых кубинским правительством, последствия этого урагана на Кубе удалось свести до минимума». («Известия», 5 октября 1966 года).

...В таежных распадах Горной Шории ужом проскользнула железнодорожная колея. Возле нее кругобокое рукотворные горы — терриконы: отсюда везут руду на Кузнецкий металлургический комбинат. От колеи в обе стороны по увалам взобрались домики рудничного поселка Темир-Тау. В этом месте никогда не бушуют ураганы. Не долетает сюда и грозное дыхание цунами. Но вот уже много лет подряд Анатолий Витальевич Дьяков посылает отсюда в разные края прогнозы погоды, предупреждения о стихийных бедствиях.

Дьяков — немолодой коренастый порывистый человек, со светло-голубыми глазами, в шерстяной рубашке, коротких брюках, заправленных в гетры, и туристских ботинках (так удобнее ходить по горам). Из-под берета выбиваются седые кудри, от этого крупная голова походит на солнце, обрамленное протуберанцами. Говорит увлеченно, перемешая научные теории каламбурами, историческими и автобиографическими экскурсами, легко оперирует формулами и цитатами. У Дьякова две привязанности — солнце и знаменитый французский астроном Камилл Фламарион. Ему обязан именем первый сын Дьякова — Камилл, а солнце стало эмблемой гелиометеорологической станции Горной Шории...

«Сегодня, 26 августа 1925 года, в обеденный перерыв в Красном уголке — лекция «Земля как мировое тело». Сообщение сделает член РОЛМа — Российского общества любителей мироведения А. Дьяков». (Объявление на Кировоградском заводе).

Пятнадцатилетний Толя Дьяков осенью 1925 года опубликовал в журнале «Мироведение» первую серьезную работу — итоги наблюдений над метеорами. Окончив физико-математический факультет Одесского университета, он стал сотрудником обсерватории.

«Астрономическое общество Камилла Фламариона заседало в среду 2 марта 1932 года в Сорбонне, в амфитеатре Декарта, и в присутствии генерального секретаря Габриэль

ПЯТИЛЕТКА:
ГОДЫ
И МИНУТЫ

РАЗГОВОРЫ
С
СОЛНЦЕМ

*«Видите? В центре диска отчетливая группа пятен.
Значит, через 28 часов «солнечный ветер»
достигнет Земли...»*

*На второй звуковой странице А. В. Дьяков поможет вам
заглянуть в погоду будущего.*

Фламмарин мсье Анатолий Дьяков, ассистент астрономической обсерватории в Одессе, СССР, принят действительным членом». (Французский журнал «Астрономия», 1932 год).

Понимая, что специальных знаний недостаточно. Дьяков поступил на астрономическое отделение Московского университета. В 1935 году он приехал на Кузнецкстрой.

— За три года мы сменили шесть начальников метеостанции в Темир-Тау, — сказал начальник строительства, — а толку нет. Нам же очень важна точная информация о погодных условиях.

— Но я по образованию астроном.

— Те шестеро были вообще без образования...

«Горная Шория оказалась в зоне антициклона, охватившего почти всю территорию Западной Сибири. Поэтому погода будет малооблачная, благоприятная для строительных работ». (Первый суточный прогноз Дьякова 12 июля 1936 года).

За долгие годы работы в Горной Шории Дьяков пришел к убеждению: солнце воздействует на земную атмосферу не только тепловыми потоками, но и «солнечным ветром» — заряженными частицами, корпускулами. У пионера гелиометеорологии скопилось уникальная галерея графических «портретов солнца на каждый день». По ним можно проследить «ряд волшебных изменений милого (сердцу исследователя) лица». Ряд этот, начатый в 1940 году, насчитывает почти пятнадцать тысяч изображений дневного светила со скрупулезно зафиксированными пятнами, их конфигурацией, положением на солнечном диске. Оказывается, форма и место пятен влияют на энергию выброса плазмы (и корпускул). И тогда жди на солнце извержения, а на земле — метеорологических катастроф.

В 1958 году на X съезде Международного астрономического союза в Москве А. В. Дьяков выступил с сообщением, что на основе наблюдения за солнцем можно с большой точностью прогнозировать погоду. Причем погоду не вообще, а в заданном районе, на конкретный отрезок времени. Докладчику аплодировал весь зал, в том числе и 80-летняя вдова великого французского ученого — Габриэль Фламмарин.

«Агрономы Каменского района, Свердловской области, ежегодно используют Ваши прогнозы. 50 процентов прибавки урожая за последние годы — Ваша заслуга, за что Вам наш низкий поклон. Убедительно просим дать прогноз погоды на весну — лето текущего года по зоне Среднего Урала...» (Январь 1973 года).

Такие письма, телеграммы приходят в маленький домик гелиометеостанции каждый год. Дьякову пишут ученые, моряки, председатели исполкомов, секретари обкомов, руководители министерств... Но есть и телеграммы, вызывающие улыбку: «Просим выслать по адресу: Омск, бюро погоды... долгосрочный прогноз по Омской области...»

И, наконец, последний документ. Он вынесен в эпитафию — Указ о награждении А. В. Дьякова орденом Трудового Красного Знамени. Обратите внимание на формулировку: «За успехи, достигнутые в увеличении производства зерна...»

Валентин МАНИОН,
специальный корреспондент «Кругозора»

поселок Темир-Тау, Горная Шория
Фото автора

Назар НАДЖМИ

СОСЕД ПО ОГНЮ

Оттого ль, что когда-то, в былые года,
Высекали огонь из кресала,
В очаге у людей он не гас никогда,
В углях прятался искоркой малой.
Если все ж затухал — так бывало

на дню! —

И в золе не мерцало ни искры, —
Каждый знал: у него есть сосед по огню,
Безотказный сосед, самый близкий...

О сосед по огню!.. В тот таинственный
миг,

Когда пламя в душе угасало,
Шел я к людям — огонь доставал я у них,
Будто был высекал из кресала.
И все годы надежду я в сердце храню:
Мне такого б огня — хоть крупицу!
Чтоб меня называли — сосед по огню!
Чтобы людям — ко мне торопиться!

РАЗГОВОР С ДЕРЕВЬЯМИ

Слетающей листвою шелестя,
Птиц ищите в тоске невыразимой,
Мои деревья!.. С вами вместе я
Еще одну перезимую зиму.
Легко ли это — перезимовать?
Кому трудней — и не решишь

в мгновенье...

У вас ли мне терпенья занимать?
Вам у меня ли занимать терпенья?
Зима всех ставит на свои места:
Мне — кутаться, вам — сбрасывать

наряды.

Кого-то, может, красит нагота,
Вы ж без одежд черны и неприглядны.
Вновь листья ваши сыплются, звеня,
И над землею, медленные, кружат...
Замерзну — вы согреете меня...

А мне как быть, когда вас схватит
стужа?

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС

МОЯ ЛИТВА

Видала наша Балтика немало
Ветров, штормов. Но — жить ей и шуметь.
У Нямунаса как Литва стояла,
Так и стоит. Ей здесь стоять и впрямь.
Я знаю желчь на вкус и знаю горе,
Почем фунт лиха знаю, — потому
Мечтой о звездах, думой о просторе
Тревожу стих свой. Словно луч во тьму,
Врезаюсь в суть. Затем что стих —
разведка.

Ищу, явлений ощущая связь.
С литовским словом сросся я, как ветка
Со всем стволем — не оторвать! —
срослась.

Нет в мире слаще мне, чем вкус ржаного,
И нет светлей, чем наша синева,
И мне неведомо на свете слово
Прекрасней и дороже, чем Литва.
Литовец любит искренних соседей,
И для гостей он открывает дом,
И душу открывает он в беседе —
О малом и большом, о сем, о том.
Приятеля он называет братом
И — если сердце пожелает — друг,
Далекий друг окажется вдруг рядом,
Литовцу дружества приятен дух.
Он никогда еще так крепок не был,
Великою воспитанный семьей.
Над Нямунасом вызвездило небо
И с высоты любитесь землей.
Родную землю обнимая свято,
Литовец обнимает всю страну.
Его душа узнала душу брата
В совместном деле, как волна волну.

Перевел с литовского Лев Озеров

ПРИГЛАШЕНИЕ ДРУГУ

Когда позвать тебя — не знаю,
Чтоб погостил в моем краю,
Чтоб сторона моя родная
Запала в душу бы твою?
Не лучше ль выбраться весной,
Когда черемуха в цветенье?
Обрызган пеною лесной,
Ты соловья услышишь пенё.
Возможно ль на земле прожить
Без этих запахов и цвета?
А может, лучше отложить
Приезд твой до косьбы, до лета?
Хоть нет романтики былой
В косье — очарованье длится:
Бушуют травы пред тобой,
И нет им края и границы.
А море луговых цветов?
Весь день ты по нему пробродишь...
А краски ягод? Нету слов!
А вкус? И впрямь язык проглотить!..
И не написанным стихам
Раздолье здесь — текут, как реки!..
А может, ты приедешь к нам,
Когда в лесу пойдут орехи,
Когда, ползя в овражах вниз,
Нальется соком ежевика?..
В преддверье осени явись
И здесь подольше поживи-ка!
...Пылает желтизна листа,
Зажженного природой властно.

И умирает красота —
И в гибели она прекрасна...
Но осенью не приезжай:
Грусть осенью в груди таится —
Не оттого ль, что в дальний край
Мою уютную радость птица?..
Зимой, зимой.. Такой зимы
Нигде не видел ты!.. Под солнцем
С тобой помчимся вихрем мы
На тройке с медным колокольцем!
Под белым облаком, в снегу,
По свету белому, по белой
Дороге!.. Больше не могу
Писать!.. Как ты захочешь — делай!
Когда захочешь — сам реши.
Но не отказывай, спеша,
Хоть осенью — в конце, в начале:
Ведь кратковременны печали,
А встреча — праздник души!

Перевела с башкирского Е. Николаевская

В редакцию приходят музыкальные заявки. Значительная их доля — «экранного» происхождения. Попросят поместить на пластинку песни, попавшие либо в телевидение, либо в кинематограф.

Вот попросили песню, под которую нынешняя чемпионка Европы по фигурному катанию на коньках Кристина Эррат (ГДР) исполняет показательный номер. Это спетое на немецком языке французской певицей Мирей Матье (снимок сверху) «Парижское танго». Такое старомодненькое, в стиле не то что тридцатых, а, пожалуй, двадцатых годов — эпохи раннего Оскара Строка, еще до его «Черных глаз»... Но танго воскресло, сохранив, по-видимому, свежесть во льду искусственного катка, откуда вслед за другими его извлекла Эррат (или ее тренер Инге Вишневски) и показала публике с откровенной пародийной ноткой (к сожалению, никак не ощутимой у самой Матье), надвинув на нос шляпу-канотье и выкатившись в спецодежде, присвоенной парижскими гаменами всех эпох.

Номер был размножен телевидением и доведен до семейных очагов во многих странах мира.

Можно спорить о достоинствах этого трехминутного ритмически острого дивертисмента. Любопытно другое. Композиция фигуристки, для которой взята одна музыкальная пьеса, подчинена этой музыке, она обретает цельность: единый спортивно-хоре-

МУЗЫКА ГОЛОС ЭКРАНА ЗА КАДРОМ

ографический номер всегда выгодно отличался от разнотемповой музыкальной окрошки. И если «Парижское танго» не есть вершина жанра, то неожиданную тайну его очарования следует искать в том, что зрительный образ фигуристки — снеющейся шестнадцатилетней Кристины Эррат — все время где-то рядом. Поэтому казавшийся поначалу странным и однобоким термин «музыка фигурного катания» получил права гражданства.

Другая группа заявок — на песню, которая звучит в фильме «Городской романс», — по-видимому, иного порядка. Мирей Матье по-прежнему остается за кадром. Слышен только ее голос, поющий одну из известнейших ее вещей — «Я люблю тебя». Как следует из названия, речь идет о серьезном деле, и Матье экспрессивно, всерьез, как она привыкла, исполняет песню о любви. Мелодия хороша, и не удивительно, что режиссер Тодоровский и композитор Каравайчук решили в нужный момент ввести ее в картину. Голос Матье оказался третьим и совсем не лишним в любовном диалоге героев фильма.

Т. ДМИТРИЕВ

Фото А. Бочинина

Мы помещаем на 11-й звуковой странице «Парижское танго» и песню «Я люблю тебя», а между ними — мелодию, которая когда-то принесла Матье известность, — «Мое credo». Инструментальная версия принадлежит автору — Поло Морию.

Московский комсомол обратился к молодежи с призывом: «Метро нужен не только строитель, метро нужен боец, который сегодня будет хорошим машинистом, крепильщиком, землекопом, монтажником, а завтра станет квалифицированным рабочим, командиром Московского метрополитена».

Метро начиналось на 99 процентов силами вчерашних токарей и вязальщиц чулочной фабрики, с техникой, при которой даже отбойный молоток казался чудом. И вот вопреки прогнозам теоретиков и практиков горного дела огромная стройка двинулась вперед.

Вторым шагом должно было стать освоение техники.

В 1933 году из Англии, оплаченный чистым золотом, прибыл в Москву первый горнопроходческий щит. При всех своих достоинствах он не был рассчитан на московскую гидрогеологию. Абсолютным пределом его скорости для данных условий англичане считали 75 сантиметров в сутки...

Прошло три месяца, и стенная газета метростроевцев сообщила: «Вчера бригадой Краевского впервые... пройдено 76 сантиметров! Отныне наша газета называется «За метр в смену».

Второй щит был изготовлен советской промышленностью всего за пять месяцев. С момента его пуска вспыхнуло яростное соперничество между бригадами, работающими на щитах. Метрострой раскололся на два лагеря, болевших за «наших» или «англичан». И вот, наконец, заметка в стенгазете. «Сегодня бригадой Лушника достигнута рекордная выработка — 4,33 метра в сутки!» Американский инженер Д. Морган, приглашенный в Москву для технической консультации, заметил: «Я ошибся в людях, работавших на щите».

К сожалению, в московских недрах было препятствие, непреодолимое для щита, — пловун, слабый, насыщенный водой грунт. Представьте: труба сечением в шесть метров входит в породу, напоминающую жидкую манную кашу. Одно мгновение, и щит будет проглочен, а пловун заполнит пройденный тоннель. На поверхности от этого возникнет воронка, в которую рухнут дома, провалятся улицы. Выходом стал кессон.

Конечно, есть и более трудные испытания для человека. Водолазы, летчики на

сверхзвуковых машинах испытывают большие перегрузки. И все же хочется назвать героями тех, кто первыми на метрострое прошел кессон — герметически закрытую камеру, заполненную воздухом, где давление поднимают до тех пор, пока не останавливается напор пльвуна. Воздух отжимает грунтовые воды, осушает породу. Щит, находящийся в кессоне, действует практически в нормальных условиях. О людях этого не скажешь. Работать в кессоне трудно и опасно. В обогащенном кислородом воздухе искра может стать причиной страшного пожара.

Пассажиры, проезжающие в вагонах метро на перегоне «Проспект Маркса» — «Дзержинская», не подозревают о том, какая трагедия произошла здесь сорок лет назад. Вот что рассказал бывший начальник комсомольской шахты № 12 Я. Ф. Тягнибеда:

— В двадцатых числах у нас появился мощный пловун. Подняли давление до двух с половиной атмосфер, и сразу температура в кессоне подскочила до 40 градусов. Воздух стал густым и тяжелым,

в трех шагах нельзя было рассмотреть человека. С огромным трудом была пройдена самая мощная часть плавбуна, и вдруг по шахте сообщили: в кессоне пожар! Не помню, как добежал до шлюза. Картина была жуткая: свист сжатого воздуха, языки пламени, едкий дым, крики рабочих... Семьдесят человек в кессоне! Как спасти их жизни? Вывести людей можно только через шлюз, другого пути нет. Но шлюз не проскочишь мгновенно, как прыгают через костер. Необходимо время на шлюзование, иначе «заломай» — кессонная болезнь. Я и сейчас не могу сказать, как, но все же удалось вывести людей через горящую шлюзовую камеру. Огонь же бушевал все сильнее. Мы решились на крайнее средство и сняли давление в кессоне. Плавбун пошел в камеру. Щит был затоплен мгновенно, в тоннель со страшной силой устремились вода и песок. Люди работали по пояс в ледяной засасывающей грязи, ставили временные перемычки, которые сметало одну за другой, и все же к исходу суток плавбун был остановлен. Тогда узнали мы фами-

лию человека, которому 70 рабочих были обязаны жизнью. Инженер Чистяков вывел их из горящего кессона, но сам выйти не успел...

Трудно далась первая очередь, и все же она была закончена в срок.

Уже 6 февраля 1935 года в Московское метро вошли первые пассажиры — более двух тысяч делегатов VII съезда Советов Союза ССР. Среди них было немало людей, побывавших во многих столицах мира, но только теперь, по их словам, они увидели настоящий метрополитен: свет, воздух, красота...

И было в этом сооружении еще что-то, говорившее о творческой свободе создавших его людей. «Наш метрополитен построен с душой», — так определил это известный ученый Отто Юльевич Шмидт.

Первая очередь — 11,6 километра тоннелей и 13 станций.

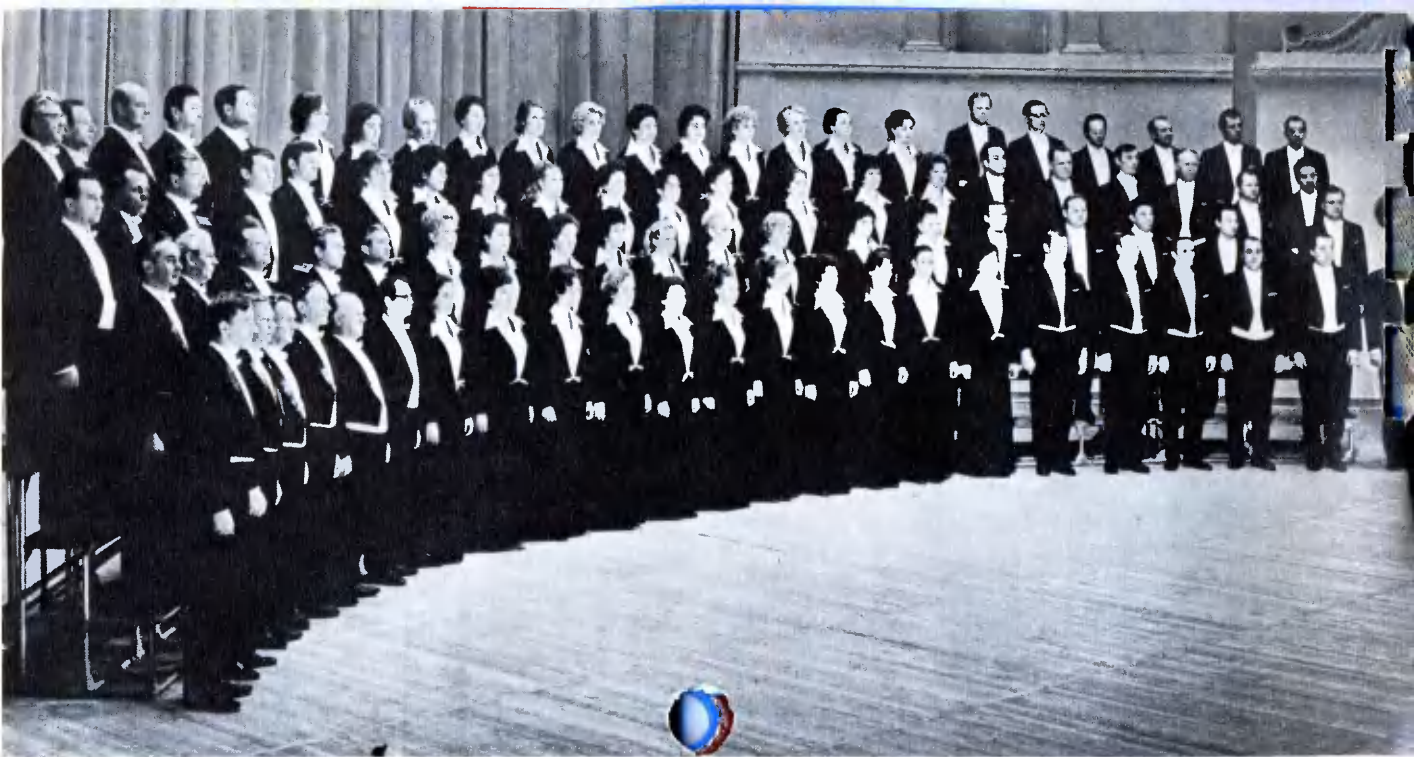
156 километров и 96 станций — таков к сегодняшнему дню путь, пройденный метростроем, но это уже другой рассказ.

И. ЦИБУЛЬСКИЙ

Фото Л. Лазарева

От «Сокольников» до «Беляева» — сто станций Московского метрополитена и сорок лет стройки. На нашей первой звуковой странице рассказ продолжают Татьяна Федорова, Николай Феноменов, Александр Осетров.

а улице было снежно — середина зимы, 14 января... В старом церковном помещении в Москве, на Бакунинской улице, гулко раздавались

голоса — акустика здесь поразительная: не случайно именно эту церковь — памятник архитектуры восемнадцатого века — выбрал для репетиционного зала Республиканской академической русской хоровой капеллы ее руководитель — народный артист РСФСР, профессор Александр Александрович Юрлов.

Репетиции шли накануне пленума Союза композиторов РСФСР, посвященного русской и советской хоровой музыке. Такой пленум у нас проводился впервые.

Имя А. А. Юрлова неразрывно связано с пропагандой хоровой культуры. На вопрос, в чем истоки народности русской музыки, он обычно отвечал:

— Программы нашей капеллы мы не случайно называем «Старинная и современ-

ная русская музыка». Цель? Увидеть, почувствовать, доказать связь времен, которая особенно закрепилась именно в пении, «запоминающем» события и факты жизни; выявить творческую «диффузию» фольклора и профессиональной музыки. Из прошлого до нас дошло самое истинно русское — вокальное начало, определившее самостоятельность развития музыкальной культуры России. На каком мелосе? На русском народном. И при самом непосредственном «вмешательстве» поэзии, слова — эпоса, былин, бытовой и летописной литературы. Здесь, в этой песенной Волге, исток нашего поиска.

Можно добавить, что в непрестанном, самоотверженном поиске связей времен в музыке — творческое кредо капеллы. Именно поэтому юрловцы много лет уже любовно изучают фольклор. В репертуаре капеллы — старинные обрядовые, календарные, бытовые песни, возраст которых трудно определить точно. Светские песни петровских времен, выросшие из фольклора, — канты. Произведения

русского музыкального Возрождения XVII—XVIII веков — Бортнянский, Фомин, Ведель, Титов... И сегодняшняя музыка, музыка XX века. О плодотворности этого поиска свидетельствуют высокие оценки искусства капеллы на международных хоровых конкурсах и фестивалях в Италии, Франции, Англии, Болгарии...

— Основываясь на собственном опыте, — говорил Юрлов, — могу утверждать, что выигрывает и живет лишь та музыка, которая прочно связана с народной основой. Мне довелось долго работать в Азербайджане после окончания аспирантуры Московской консерватории, и с определенностью могу сказать, что творчество Гаджибекова и Магомаева (это классика), Фикрета Амирова (особенно его симфонические «мугамы») и Ниязи («Расть») — это подлинно национальная музыка. Здесь, как говорится, все замешано на здоровых дрожжах. Отсюда и результат: не стилизация «под» народную музыку, не внешние признаки, а глубинность, самое нутро, верная инто-

нация. Таковы, бесспорно, и Прокофьев, и Шостакович, и Свиридов. В Грузии сейчас, например, та же глубинность — в лучших произведениях Тактакишвили. В дагестанской музыке — у молодого Ширвани Чалаева. Кстати, любопытный факт. Учили мы в капелле ораторию Владимира Рубина «Июльское воскресенье». Там есть плач-причитание «Ой, куда же ты ушел...» И вот одна из наших певиц говорит мне, что именно этот плач она слышала у себя в деревне. А на деле-то плач этот сочинил Рубин. Вот что значит настоящая творческая работа в русле русской вокальной культуры...

«Создает музыку народ,— говорил Глинка, — а мы, художники, только ее аранжируем». Что думает по поводу этих крылатых слов Александр Юрлов?

— Я понимаю эти слова как призыв к накоплению национального культурного достояния, — говорил дирижер. — Это и есть та сфера, которую надо аранжировать, то есть выражать по-своему. Примеры? «Курские песни» Г. В. Свиридова. Это не обработки, это новое качество. Взяв за основу народные песни, пользуясь современными выразительными средствами, Георгий Васильевич, сам обогащенный жизнью и культурой своего народа, «вычистил» эти песни, как снимают слой со старой картины, чтобы вернуть ей первозданность. Вот в таком смысле я и понимаю «аранжировку». Когда народная основа — как срез на дереве. Не музыка «в народном стиле» (допустим, инкрустация), а глубокие внутренние признаки народности...

— И потому же,— продолжал Юрлов,— так важна и остра сегодня проблема бытования старой русской песни в народе и проблема формирования новой народной песни, сегодняшней. Да и роль массовой хоровой культуры в наши дни очень велика и ответственна. Поэтому мы и проводим сейчас пленум по хоровой музыке. Кстати, там будут интереснейшие сочинения. Например, оратория Чалаева «Целую женские руки». Непременно послушайте! Это будет второго февраля в Большом зале консерватории...

...Концерт, о котором говорил мне Юрлов, был перенесен: в ночь на второе февраля Александра Александровича не стало.

Наталья ЛАГИНА

РУССКОЕ МНОГОГОЛОСЬЕ

Народность есть не достоинство,
а необходимое условие
истинно художественного произведения.
Виссарион Белинский

МАСТЕРА
СОВЕТСКОГО
ИСКУССТВА

На звуковой странице —
записи Русской хоровой капеллы
под управлением
Александра Юрлова:
С. Прокофьев. «Вокализ»; С. Рахманинов.
«Белилицы, румяницы вы мои».

ХОЖДЕНИЕ ЗА ОДИН ВЕК

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЛЯ ВАС

Лица, лица... Нарисованные от руки тушью и карандашом. Запечатленные на цветных фото. Они очень похожи. Одинаково припухшие губы. Густые, как карандаль, волосы схвачены в пучок и украшены султанами из перьев. В глазах светится спокойное любопытство...

Впервые я увидел эти лица давно. В ту осень на тихих улицах украинского городка застрекотали фашистские мотоциклы. Среди прочих примет «нового порядка» была армейская конюшня, устроенная в библиотеке Островского.

Я вынес оттуда плотный том без титула. Он был поврежден огнем, но картинки оказались занятыми: шалаши из огромных листьев, губастые люди — волосы пронзены перьями, каменные кругляши смешно оттянули уши...

Мен досадила библиотечка Миклухо-Маклая. Отчего этнографическая хижина — двестики русского ученого, писавшего в папуасской деревне, — была брошена в огонь вместе с прозой Коперника и Толстого? Мне, мальчишке, было тогда этого не понять.

Великий ученый, живший в прошлом веке, пришел к другому народу не с револьвером, а с карандашом и блокнотом, в котором сам написал: «Думать и стараться понять окружающее — отныне моя цель».

Не цветом кожи и волос порождена разница между людьми, а различными условиями их существования. Стало быть, нет нации, призванной господствовать, как нет и народа, обреченного плодить рабов. К этому ясному выводу вел двадцатипятилетний ученый Николай Миклухо-Маклай каждый день его подвижнической жизни среди аборигенов Новой Гвинеи.

...В первый момент мы злитесь, догадываясь, что человек ведь человек, т. е. доброе, общественное существо, в общении с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой. И вы доказали это подвигом истинного мужества...» — писал ученому Лев Толстой.

Слушайте третью звуковую страницу, не забывайте: записи для нее сделаны там, где никто и никогда прежде не включал микрофона. По гвинейской деревне Бонгу, где вот уже столетие свято берегут память о Тано-Рус — русском человеке по имени Маклай, — вас поведет доктор исторических наук Д. Д. Тумаркин, руководитель научной экспедиции на судне «Дмитрий Менделеев». Портрет Н. Н. Миклухо-Маклая, сделанный при жизни ученого, и его собственные рисунки рядом с сегодняшними фотографиями — подробности этого путешествия в минувший век...

Б. ВАХНЮК

Слушайте звуковую страницу

СМЕХ В ЗАЛЕ

Кто будет выступать в зале (там, где смех), а значит, и на нашей звуковой странице, зависит и от вас, читатели, от ваших пожеланий. Открывает новый раздел писатель Михаил Жванецкий.

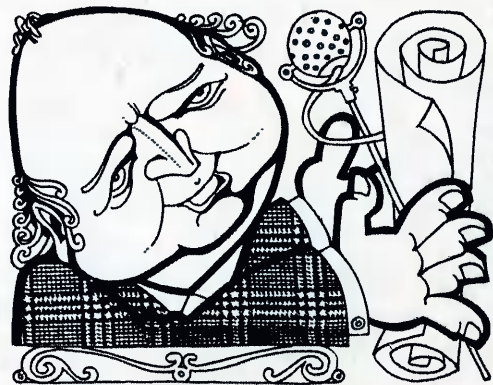
Ж в а н е ц к и й: Мне сейчас около 38 — 39. Это не температура, это годы (см. шарж, художник почти прав). Не курю. К женщинам отношусь очень хорошо. Люблю дождь. В дождь и ветер кажусь себе мужественным. В плаще. На улице.

В сатиру попал случайно. Не из-за характера, а в силу судьбы. В доме у нас вода шла с переборами. Писал и по инстанциям — не помогло. Я написал Райкину.

В институте попался «доцент тупой». Сообщили в дирекцию. Не помогло. Написал Райкину. Потом этот номер вошел в программу «Светофор».

Чего хочется простому юмористу 38 — 39 лет? Немного смеха и аплодисментов. Так, поддерживая друг друга, будем продвигаться... Поставьте звуковую страницу на какой-нибудь недорогой аппарат. Не обязательно стерео (зачем лишние звуковые эффекты?). Я расскажу кое-что о вас, женщины, потом о вас, мужчины.

Григорий ГОРИН

Телеграмма была срочная — Сосенковский конезавод требовал Фаворита... Бланк долго лежал на столе, не притягивая взгляда вахтерши, неприметный и беззвучный, пока не принесели вторую, тоже срочную телеграмму — на имя жокея Толкунова. Два текста расшевелили вахтершу. Уловив скрытую в словах тревогу, она обдумывала, что ей делать: звонить кому или подождать до девяти, когда люди придут на работу. Смутно встал перед глазами конь, виденный накануне, — белый, с бархатным отливом скакун, и с ним удивительно легкий на ногу, подвижный, как танцор, жокей.

Тем временем солнце круто пошло вверх, достало лучами до окна больничной палаты, где жокей Толкунов встречал третье утро. До него, засыпающего на истерзанной в ночных метаниях койке, свет дошел как мучительное напоминание о последней зорьке, когда его и Фаворита предчувствие разлуки погнало в красные сумерки — гупко летели они по ветряному раздолю, по обновленной, радостной земле.

Каждую весну, как только начинало греть солнышко, за жокея бралась давняя болезнь, и в этот раз он даже не торопил ее, чтобы отлежаться и в нужный час пригодиться Фавориту. Он привез Фаворита, жил во флигеле рядом с конюшней; дважды в день выводил жеребца на проминку — в поле, в лес, потом вел на манеж и выезжал там, не давая застояться.

Этой ночью жокей в громком бреду звал лошаадь, и лишь под утро озарила его умиротворяющая мысль: Фаворит слышит, ждет. И, успокоенный, ни о чем не догадываясь, он заснул. Институтского курьера с телеграммой в палату не пустили.

Будто и вправду слышал жокея, не спал ночь Фаворит. Будто знал, что жокей слег. Он давно почувствовал, как в человеке затлела болезнь — жгущая искрами, постепенно иссушая тело, приготавливая его к быстрому, жадному огню. На последней выездке, видел Фаворит, жокею не хватило свинчаток, которые он рассовывал по карманам, доводя вес до нормы.

...Бывали моменты, когда их — человека и коня — связывало особое, тайное родство, сливая в одно живое в едином согласном движении. В этом слиянии было что-то от чуда, но чуда видимого — творилось оно у всех на глазах.

Но не всем это нравилось. Не все скачки они выигрывали легко, как могло показаться со стороны.

Прошлой осенью, в пору дождей, один день выдался особенно тягучий. Фаворита вывели из денника в попоне. Вышел к нему из весовой Толкунов в голубом камзоле, мягких сапогах, шагал по-кошачьи легко, неслышно. Но вот, заметил Фаворит, держал он седло, шлем, скаковые очки вроде бы не так, как обычно. Чем-то был расстроен, взерошен.

Загадка прояснилась, когда занимали второй фальстарт. Первый раз соседний жеребец метнулся к Фавориту вперелест, образовалась толчея. И второй раз Фаворит увидел того жеребца рядом, понял: не случайно. Крупный, рыжий жеребец нахраписто лез в соседи, горячился не в меру, караулил фиолетовым глазом Фаворита. Под стать ему наездник — с рыжими плотными щеками, широкий.

Поскакали. Фаворит вырвался сразу — низко, надежно вытиснулся; копыта быстро, мягко кидали размякшую землю, и до-

Илья КАШАФУТДИНОВ

ФАВОРИТ- БАЛОВЕНЬ СУДЬБЫ

Из повести

«Высокая кровь»

Рисунок А. Гамбурга

рожка текла, послушно ложилась под ноги. Летел на грудь, в ноздри туман, рвался, туго шаркался. Взяв препятствие, еще одно, уже в повороте Фаворит оглянулся: рыжий его нагонял. Жестокий хлыст играл на его боках. Следом за ним кучно шли остальные лошади. Фаворит оглянулся еще: как это рыжий, сырой, закорпленный, побьет его?

Рыжий поравнялся, подоспели другие, но Фаворит чутко следил за ними, чтобы не дать себя запереть. Не ускользнула от него нечестная рука. Дитина крепкой этой рукой как бы невзначай качнул рыжего, целясь в грудь Фаворита. Фаворит не успел укоротить нахи, и в серой пелене тумана, в недоступном судейскому глазу месте, сшиблись с рыжим, скаля зубы, дыша белым паром, помялись друг о друга. Рыжий ошалело всхрапнул, отвалился, исчез.

Фаворит скакал, ждал, когда справится с собой Толкунов. В мгновение удара Фавориту почудилось, будто жокей и он — одно тело, переплетенное одними сухожилиями, одними напряженно звенящими сосудами, и по ним единственное на двоих сердце гонит одну и ту же кровь. И он сжался, прынул так, как если бы берег не только себя, но и ту часть тела, которой стал для него Толкунов.

Фаворит так и не дождался посылки. Жокей не дал шенкеля, не покачал поводьями, и Фаворита внезапно осенило: жалел его Толкунов. Фаворит вмиг решил сам: вдогон! Яростный, страстный звон наполнил его, хлестко ударил в ноги, снял тяжесть, понес его, ликующего, гневного, в засиневшее пространство. Фаворит разогнался в длинном, упоительно-свободном броске, вторым — коротким, точно рассчитанным — настиг лошадей. Оттолкнулся далеко перед плетнем, в прыжке, на лету выиграв два-три корпуса, так же далеко, за плетнем, приземлился. Взяв голову скачки, он больше не оглядывался и только на последней четверти последней прямой прислушался — в ушах звенел лишь ветер...

...День тронулся дальше, и двинулись телеграммы — из отдела в другой. Фаворита самого мало кто видел живого, но сейчас кличка его приятно разгоняла утреннюю оцепенелость воображения, и виделся конь далеким, загадочным баловнем судьбы. Более доступен и знаком был другой Фаворит, разложенный по частям — в рисунках кардиограмм, в телеметрических записях, рентгеновских снимках. За всем этим, не задевающим сердце, маячил призрачно отделившийся от самого коня образ ипподромной звезды, стиплера высшего класса. Он то и разжигал страсти, заставлял гадать, что будет дальше — повезет Фаворита или подождут, пока поправится жокей. Из-за него, Фаворита, институтские уже ссорились с коннозаводчиками. Привезли его с условием, что отпустят домой по первому требованию. И вот выяснилось, что отправлять его не на чем: спецфургон сосенковские не прислали, а свой был в капитальном ремонте.

Все решилось само собой, когда появился, чтобы отприсытаться куда-то, Леха Шавров, шофер самосвала. Взглянули на машину, вполне подходила: с нестандартным кузовом, с нарощенными бортами.

Погода обещала быть теплой, вся дорога до завода — сплошной асфальт.

Фаворита сняли с довольствия.

Конюх Молчанов последним узнал, что Фаворита увозят. Не сразу поверив, пошел в фуражную часть, к заведующему, давнему сослуживцу — уточнить. Не застав его, увидел за столами двух новеньких девушек. Как бы уклоняясь от прямого удара, Молчанов сказал что-то о дополнительном пайке для жеребца. Сказал со старомодной деликатностью, и девушки, приснув, ткнулись пышными ресницами в амбарные книги. Не переставая смеяться, едва сумели объяснить старику: Фаворит среди конского поголовья уже не числится.

Вернувшись в конюшню, Молчанов долго стоял перед Фаворитом, все смотрел на него, и с лица его не сходило беззащитное детское выражение — пока не смирился.

Скоро появился голубой самосвал. Леха Шавров обижено подгонял его к деревянному помосту.

Пришел, сел в кабину, будто спросонья, невнятно поздоровался Василию Грахов, научный сотрудник института. Видно было, и его, как Леху, кто-то обидел, но он даже не хлопнул дверью — вздохнул и задумался. И у него были свои планы, и все они полетели к чертям: было ему поручено сопровождать лошадь до завода.

Леха сощурился на солнце, на свои часы, направился в сторону конюшни: пора было грузить лошадь.

Фаворит проминался, бежал по кругу манежа, запущенного, редко знавшего классных коней. Старик Молчанов вел его на корде, на длинной веревке. Руки его, уже не такие мягкие, какими были, когда старик был помощником жокея, становились чуткими, управляли лошадью, то повелевая, то давая свободу. Фаворит охотно откликался, без сбоев менял аллюры, переходя с галопа на рысь, с рыси на галоп.

Позабитое чувство лошади, возникая вновь, молодило старика. Старик никогда не завидовал чужой красоте и силе — у него их в свое время было в достатке, хватило на его век, хоть и тратил он их так же щедро, как этот конь, старающийся для общей радости. Вид коня, сильного, красивого, будил в старике другую мысль: то, что унялось в нем, много раз еще вернется особым светом через чужое, придет радость, молодящая душу, а если так, — и душа отдаст кому-то взятое, круг замкнется, и будет движение.

Увидев стариковскую забаву с лошадью, Леха Шавров чуть не задохнулся — подкатила к горлу прежняя обида.

— Ты бы дочку свою так вот каждое утро! — крикнул он. Покричал и остыл. Леха почему-то уважал и боялся старика Молчанова, как никого даже из начальства. Казалось, старик знает о Лехе все, наперед знает, как он поступит. Сейчас старик будто и не слышал его, он, держа прямо сухую голову, медленно поворачиваясь в центре манежа, что-то шептал белой лошади, сам тоже белый — в светлом халате, седой.

От громкого крика Фаворит засбоил. Самое время было перейти на шаг, но вдруг корд дрогнул, поддержал его, и Фаворит, приняв властный посыл, стриганул ушами, снова понесся по кругу.

— Грузить пора! — сбавив голос, крикнул Леха.

— Не съезжай с асфальта, особо прошу, — сказал старик Молчанов Лехе, который смотрел мимо и не слушал. — Не газуй больше тридцати...

певец представляет песню

Совсем недавно композитор Павел Аедоницкий написал песню на стихи поэтессы Екатерины Шевелевой «Серебряные свадьбы». Слово первой исполнительницы Валентине Толкуновой:

— Есть темы, которые нас будут волновать всегда, подобно тому как каждый раз мы радуемся переходу от зимы к весне, от весны к лету... Песня «Серебряные свадьбы» — о чистоте чувств, верности друг другу, как говорили раньше, «по гроб жизни». Традиция отмечать прожитые в любви и согласии четверть века — прекрасная традиция, и хорошо, что появилась об этом песня.

— Песню «Дрозды» Владимира Шаинского на стихи Сергея Острового я услышал по радио, — говорит Геннадий Белов. — Простая, сердечная, она понравилась мне сразу. О профессии певца я тогда еще не думал, работал слесарем на московском шелкоткацком комбинате «Красная Роза», выступал в самодеятельности. В 1969 году попал в телевизионную передачу-конкурс. Меня, что называется, «нашли», теперь я солист Всесоюзного радио. А с песней «Дрозды» я впервые выступил перед большой аудиторией в сопровождении эстрадно-симфонического оркестра под управлением Ю. В. Силантьева.

Жизнь — это самое дорогое для человека.

Я говорю так не потому, что все время помню известные слова Николая Островского, просто я думаю, что нет такого человека, который не любил бы людей, природу, землю нашу. То есть жизнь не в узком смысле собственного существования, а жизнь как общение, как деятельность, как восприятие окружающей красоты.

Сталкиваясь с новым познанием мира, с неиспытанными ранее обстоятельствами, человек всегда осознанно и неосознанно оглядывается назад, вспоминает прошлое, свои переживания, пытается как-то сравнить их с новыми эмоциями. Я буду говорить о нашей профессии, профессии космонавтов. Совершая орбитальный полет, мы хоть и находимся как бы невотривно над землей, но она все же где-то там, внизу. Особенно — мир земной, та сфера общения с людьми, с природой, с тем, среди чего ты жил. И тогда человек вдруг остро ощущает потерю земных связей. И вот неожиданно начинаешь задавать себе такие странные вопросы. а иногда и вслух другому: «Слушай, Андрей, ты помнишь, как пахнет огурчик?» Или вдруг сам себе говоришь: «Хорошо бы сейчас босиком по траве, по росе, а потом лечь на траву и посмотреть в небо. Там небо голубое, нежное. А здесь черное, неживое. Да скоро ли я там буду опять?»

И вот это «там», «туда» означает: на землю, к близким, к любимым. Ведь человек создан на земле, вырос в окружении земных связей, с молоком матери он питал их в себя и на протяжении всей жизни укреплял повседневно. Укреплял своей любовью к жизни. И он страдает от потери этих земных связей.

И когда, пролетая где-нибудь над Австралией, в шуме передач радиостанций мира вдруг слышишь песню, нашу, советскую — это как раз и восполняет утрату земных связей.

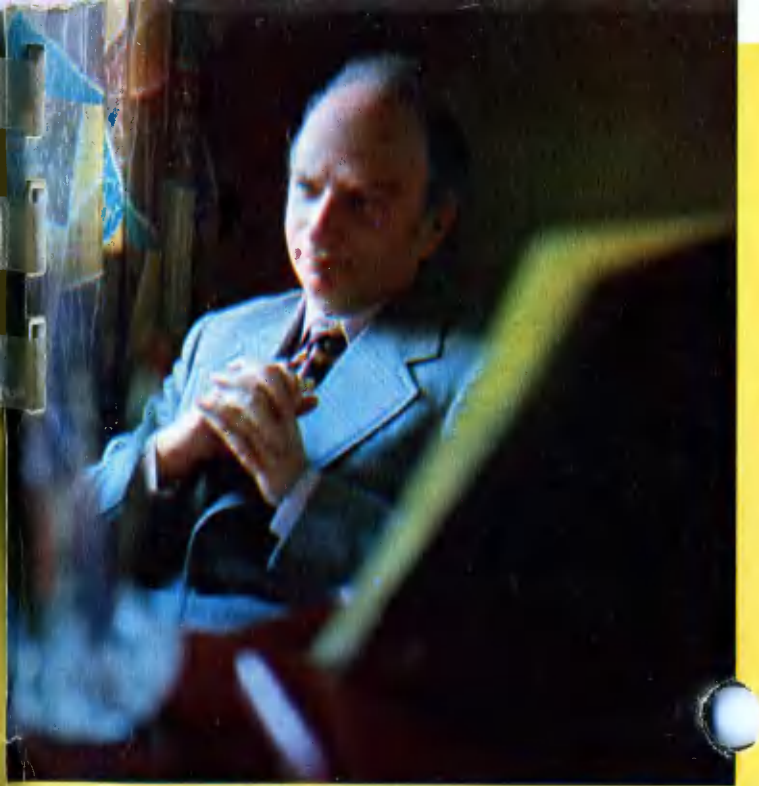
Все космонавты любят песню. Есть у нас даже такая традиция: когда едем на космодром, провожая товарищей в полет, то в автобусе поем. Потому что песня — это наш характер.

В 1970 году на втором Всесоюзном фестивале молодежной песни в Челябинске Штефан Петраке был самым молодым, самым заметным (о чем он не догадывался) и самым «строптивым» (по мнению членов жюри). Он на ходу переделывал репертуар, отказываясь от ирриготовленных вещей, если их дублировал другой певец. «Я не соревноваться приехал, — говорил он, — а за помощью. Хочу найти себя».

Себя он искал трудно. В семнадцать лет, переполненный чистыми звуками маленького молдавского села, приехал он в показавшийся ему беспорядоч-

МУЗЫКА ИЗ БИОГРАФИИ ЗНАКОМСТВА

МОЯ ПРОФЕССИЯ — ПЕСНЯ С ЛЮБОВЬЮ К ЛЮДЯМ

но шумным Кишинев. Устроился на фабрику. Единственным местом, где его находили в нерабочее время, была Кишиневская филармония, благо двери ее открыты для всех.

На очередной репетиции музыканты из ансамбля «Букурия» спросили «постояльца» (удивлялись, потом привыкли):

— Что ты умеешь?
— Я умею петь стихи.
...Двое на берегу моря
Строят замок из песка.
Волна смыкает замок.
Они смеются и строят новый.
Белый послушный песок
струится меж пальцев.
Смотрю на песок и думаю:

Не прошла бы жизнь,
как песок
сквозь пальцы...

— У тебя есть голос!
— Не знаю. Он не мешает мне петь мои стихи.

— Ты сочиняешь песни?
— Дед Любомир говорил, что легче взойти на высокую гору, чем сложить песню.

— Что тебя интересует?
— Человеческие отношения.

Понимаешь, я — не для одной тебя.

Понимаешь, я — для земли, цветов и звезд...

Понимаешь, я — для тех, у кого беда и кому нужна моя рука.

И не только космонавтов — характер нашего народа. Вот почему хорошая песня всегда находит отклик в душе.

И, конечно, мы любим песни Оскара Фельцмана. Любим его «Я верю, друзья, караваны ракет...». Это уже наша, родная песня, которую мы всегда поем: и в пору успеха и в пору тяжелых минут, каких-то неудач в испытаниях.

За последнее время композитор написал целый ряд песен глубокого душевного наполнения. Таковы, например, песенный цикл на стихи Р. Гамзатова «С любовью к женщине» и «Одинокая» на стихи И. Кохановского. Это песни большой лирической теплоты, песни, которые вскрывают прекрасные уголки души человека. И то, что он иногда постеснялся бы высказать (не на вопрос, а просто так, сам себе), он высказывает в песне.

Произноса слова, написанные поэтом и положенные на музыку, он говорит от своего «я». Тем самым песня помогает ему жить. Обретать мораль человеческую.

Конечно, здесь многое зависит и от мастерства исполнителя. Удивительно творческое содружество Оскара Фельцмана и Муслима Магомаева, который поет многие его песни. Они в искусстве действительно чувствуют и понимают друг друга. И это передается слушателям.

Лирика, которая свойственна Фельцману, соседствует с глубокой гражданственностью в таких песнях, как «Комсомольцы 20-го года», «Огромное небо», «Баллада о бессмертии» на стихи Р. Рождественского, и многих других. Все эти песни воспитывают гражданские чувства, зовут к великому служению — служению обществу. Поэтому я всегда с удовольствием слушаю произведения О. Фельцмана и желаю ему больших новых творческих удач и вдохновения.

Виталий СЕБАСТЬЯНОВ, летчик-космонавт СССР.
На седьмой звуковой странице Муслим Магомаев и ансамбль «Голубые гитары» исполняют песни Оскара Фельцмана «С любовью к женщине» (стихи Р. Гамзатова) и «КамАЗ» (стихи В. Харитонов).

Понимаешь, если ты отнимешь у меня все это, Я не буду — для тебя,

понимаешь?

Он не торопился выступать. Тщательно подбирал молдавские народные песни. Их он знал от деда Любомира во множестве. А его стихи положили на музыку молодые композиторы Валентин Дынга и Миртча Отел.

С ним было грудно: он не хотел петь «по плану», он не хотел петь «в угоду публике». Свой выбор он называл «импульсом, полученным от жизни».

...Помнишь, в Челябинске его болельщики перечисляли не одно «если бы»... Если бы

Петраке принял их, он мог бы победить.

— А дед Любомир говорил мне: «Лучше быть вторым, но остаться самим собой, и тогда ты все равно будешь первым». — отвечал Штефан доброжелательно.

Г. ЕРШОВА, корреспондент радиостанции «Юность»

На девятой звуковой странице Штефан Петраке выступает как исполнитель и автор слов двух новых песен — «Начало» и «У моря», написанных молдавскими композиторами М. Оцелом и В. Дынгой.

1. Как создается подземный город. Говорят три поколения строителей метро.
2. Погоду диктует солнце. Интервью с гелиометеорологом А. В. Дьяковым.
3. Тамо-Рус — человек из легенды. Репортаж с Берега Маклая.
4. Для самых маленьких. Рассказывает Валентина Леонтьева.
5. Концерт Дебюсси (запись 1913 года).
6. Из репертуара Русской хоровой капеллы: С. Прокофьев и С. Рахманинов.
7. Композитор О. Фельцман: «С любовью к женщине» (поет М. Магомаев), «КамАЗ» (исполняют «Голубые гитары»).
8. Певец представляет песню. Валентина Толкунова: «Серебряные свадьбы»; Геннадий Белов: «Дрозды».
9. Поэт Штефан Петраке.
10. Смех в зале. Интермедии Михаила Жванецкого.
11. Мирей Матье (Франция): «Парижское танго» и «Я люблю тебя».
12. Соня Салвис (Швейцария): «Вместе» Могол-Баттисти и «Ветер несет нам ответ» Дилона.

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным Домом
радиовещания и звукозаписи.

© ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1973 г.

На первой странице
обложки:
«В мире профессий.
Медики».
Рисунок А. Тертыша

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Г. Луцкий
Техн. редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Сдано в набор
28.VI. 1973 г.
Б 05152. Подп. к печ.
11.VII. 1973 г.
Формат 60 x 84 1/12
Усл. п. л. 1,24.
Уч. изд. л. 2,03.
Тираж 450 000 экз
Зак. 808. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

Пишите нам по адресу:
113326, Москва,
Пятницкая, 25,
«Кругозор»
Телефоны редакции:
263-49-92, 263-24-40.

25 мая 1910 года. Мы выбрали эту дату не произвольно. В этот день Клод Дебюсси впервые исполнил перед публикой, собравшейся в зале Независимого музыкального общества в Париже, несколько своих прелюдий, только что оконченных. Композитор был на вершине славы. Выдающийся английский дирижер Генри Вуд включил сочинения Дебюсси в программы своих лондонских вечеров. В немецкой музыкальной прессе, как молния, мелькнул заголовок, перефразировавший известные слова Шумана о Шопене: «Шляпы долой, господа, Дебюсси — гений!». Тосканини дирижировал его оперой «Пеллеас и Мелизанда» на сцене миланской «Скала», а Ромен Роллан напечатал в берлинском журнале «Утро» статью, где на один из полусов французского искусства помещал «Кармен», на другой — «Пеллеаса» и писал, что их равновесие и составляет французский дух.

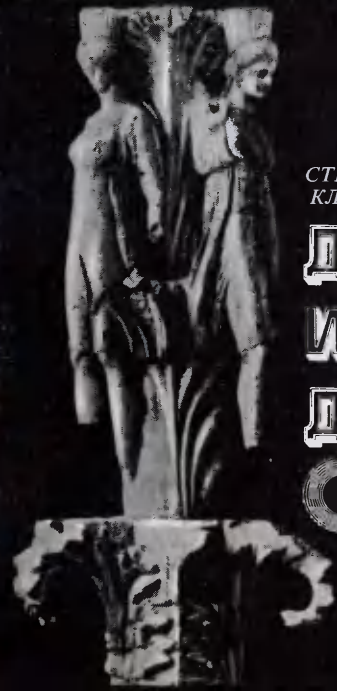
Между тем сам Дебюсси вел замкнутый образ жизни, предпочитал уединение, работал медленно, тяжело. И вот на жизненном перевале появляется жемчужина, драгоценный плод — первая тетрадь фортепианных прелюдий — теперь хрестоматийная классика. Дебюсси решил исполнить несколько из них в концерте.

Давайте перенесемся мысленно в Париж 1910 года, войдем в небольшой зал, присядем, посмотрим вокруг. Недалеко от нас, откинувшись в кресле, — музыкальный критик Эмиль Вюйермоз. Много лет спустя он вспомнит об игре Дебюсси: «Я никогда не слышал игры более гибкой, более изящной и более бархатистой одновременно... Он открыл точную пальцевую технику, которой требовала его гармоническая система... Никто не умел, как он, превратить диссонирующий аккорд в маленький бронзовый или серебряный колокол, излучающий обертоны во все концы неба». Рядом с Вюйермозом — замечательная французская пианистка Маргерит Лонг, с блокомотом в руках. Она решила записать собственные впечатления от игры — звукозапись в тот момент была невыполнима. Лонг, как мы сказали бы теперь, вела репортаж о концерте Дебюсси, вернее, о частичке концерта. Она знала, что первая прелюдия — «Дельфийские танцовщицы» — была навеяна фотографией, которую Дебюсси увидел в Лувре.

«Кругозор» помещает эту фотографию. Всмотритесь: на мармориной колонне, изображающей, как это часто бывало в античной скульптуре, ствол дерева — различимы даже окружающие его листья чертополоха, — три танцовщицы. Две с половиной тысячи лет назад неизвестный резчик придал им движение...

Дебюсси сел за рояль, помолчал, положил руки на клавиши. Лонг записывала: «...Дебюсси играл эту прелюдию впервые, он исполнял ее медленно, почти с метрономической точностью. Звуки плыли, как ожившие древние письмена. И оттого фигуры древнегреческой скульптуры ... все-таки напоминают скорее жриц, нежели танцовщиц».

Между тем Дебюсси перешел к «Парусам», а затем к «Затонувшему собору». До сих пор неясно, что послужило толчком к сочинению этой прелюдии: сама ли красивейшая бретонская легенда о древнем городе Ис — жертве океана или опера Лало «Король Ис», либретто которой сильно изменило старинную

СТРАНИЦЫ
КЛАССИКИ

ДЕБЮССИ ИГРАЕТ ДЕБЮССИ

5

сказку. В оригинале же повествуется о том, что город Ис был защищен от моря плотиной, что в насыпи была потайная дверь и ключ от этой двери хранился у короля города Ис. Его взбалмошная дочь-принцесса, не подозревая об опасности, отворила дверь. Водяная буря обрушилась с грохотом на город и затопила его. Но до сих пор сквозь толщу океана доносится звон колоколов, пение, орган... Когда слушаешь эту прелюдию, чудится, что в нескольких тактах Дебюсси заимствовал перо Мусоргского...

Последней пьесой, сыгранной Дебюсси в тот вечер, был «Танец Пэка». Дебюсси не расставался с Шекспиром, оставил нам эскизы оперы «Король Лир», собирался сочинить комическую оперу «Как вам это понравится», и вот — «Танец Пэка», сказочного эльфа из шекспировского «Сна в летнюю ночь». Дебюсси говорил, что комедия «чарующая», вспоминал о том, как столетием раньше ко «Сну» обратился Вебер, набросал даже портрет Вебера, измученного, больного, идущего по Лондону, и, наконец, сам в двух строках очертил содержание прелюдии почти так, как это делается в театральных программах: «...Сказочная ночь не длиннее волшебного сна. И вот перед нами Оберон, царь эльфов, изысканный ревнивец, устраивающий ночные празднества, во время которых он находит повод испытать шаткость добродетели Титании — своей жены. Это удастся при помощи Пэка...»

Помните у Шекспира? «Я иногда, резвясь, принимаю вид яблока печеного, и с ним я к кумушке тихонько прячусь в чашку. И только лишь кума начнет хлебать, я в губы ей толкаюсь и питьем морщинистую шею обливаю...»

Дебюсси встал из-за инструмента. Зал бушевал. Публика стоя вызывала мэтра, прося его выйти снова и сыграть на бис. Дебюсси появился в последний раз уже в пальто, в шляпе, с тростью со сверкающей золотом рукояткой. Он молчал. Но если бы и сказал что-нибудь, то только это: «Благодарю вас, вы очень милы, вызывая меня, но не ждите от меня большего, я ухожу...»

Возможно, что стенограмма Маргерит Лонг так и осталась бы единственным свидетельством игры Дебюсси. Но через два с половиной года подоспело изобретение — аппарат Вельт-Миньон. Механизм, соединенный с роялем, пробивал бумажную ленту, фиксируя ритм и длительность звука фортепианной игры. Дебюсси уговорили снова сесть за инструмент и повторить игранное в мае 1910 года. Он с трудом согласился, не видя технические приспособления вообще.

Рулоны с записью унесли куда-то и забыли о них. Они долго пылились, прежде чем настал их час, и, наконец, старой лентой заинтересовались. Спустя много лет, после трудной работы, мертвая перфорация превратилась в живое звучание. На пятой звуковой странице вы услышите прелюдию Дебюсси: «Дельфийские танцовщицы», «Затонувший собор», «Танец Пэка». Мы даем их фрагментарно с несколькими пометками Маргерит Лонг и самого Дебюсси, помещенных нами как бы на полях авторской записи....

Артем ГАЛЬПЕРИН

СОНИЯ САЛВИС

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

Швейцария

Ее песням не свойственны романтический пафос или спокойное размышление, присущее так называемой литературной песне. В них с силой ощущаешь правду жизни, отношений, характеров. И каждый раз — безыскусственность интерпретации. Или, вернее, такую степень отточенности искусства, когда оно исчезает, уступая место самой реальности.

Соня Салвис родилась в Берне и уже с шести лет пела в фольклорном ансамбле отца. Когда ей исполнилось тринадцать, отец погиб, и девочка столкнулась с иудейским делом — заработком. Окончив школу второй ступени, она устроилась ученицей дантиста. Где уж тут, казалось бы, думать о музыке? И все-таки при первой же возможности Соня перебирается в Цюрих, работает, а по вечерам посещает вечерние курсы пения, актерской игры и сценического искусства. Там-то и услышал ее хозяин одного из ночных клубов. Был подписан первый в ее жизни контракт.

Каждую ночь Соня пела, развлекала иностранных туристов. «Это было трудно, — вспоминала она. — Заставить жующих, болтающих, курящих и пьющих господ слушать себя — неблагоприятная задача. Но в этом же — испытание актерского упорства и настойчивости, и я прошла через это».

А потом — три победы на любительских фестивалях и поездка на гастроль в США. Там Соня Салвис училась пению в джаз-центре на Бродвее. Затем снова Швейцария и встреча с выдающимся дирижером из Чехословакии Густавом Бромом. «Приглашение выступить с его знаменитым оркестром повергло меня в трепет, — рассказывала певица. — Я боялась: а вдруг провалюсь, вдруг не справлюсь». Но Соня справилась. Вместе с оркестром Густава Брома она побывала в ФРГ, Югославии и, конечно же, в Чехословакии. Там был снят цветной телефильм с ее участием. Там же вышла первая в жизни Сони пластинка с ее любимой песней — «Вернись ко мне». И в самом деле: каждый, кто хоть раз слышал полное экспрессии и жизни пение Сони, захочет снова «вернуться к ней», к ее голосу.

С. ЧЕКРЫГИНА